

ИОСИФ РАЙХЕЛЬГАУЗ:

На Западе я почти Станиславский

Культура. —
1997. — 19 июня. — С. 12

СВОЕ ДЕЛО

Прежде чем поступить в ГИТИС, Иосиф Райхельгауз сменил много учебных заведений, причем из Харьковского и Ленинградского театральных институтов его отчислили за профнепригодность. Знали бы тогда педагоги, что Райхельгауз станет главным режиссером московского театра "Школа современной пьесы", проработав до этого в "Современнике", в Театре имени К.С. Станиславского и на Таганке, сняв на телевидении 12 фильмов и представив на пяти сценических площадках шоу "Платье года" с участием 120 манекенщиц.

- Когда вы ощутили потребность быть не просто очередным режиссером, а хозяином своего театра?

— Потребность — это громко сказано, просто мне предложили возглавить какой-нибудь московский театр, а я не хотел идти в сложившийся коллектив. Вот мы вместе с нынешним директором театра Мариной Дружининой и нашли помещение для "Школы современной пьесы". В это время шли репетиции с Любовью Полищук и Альбертом Филозовым над пьесой "Пришел мужчина к женщине". Этим спектаклем и открылся театр.

- Откуда у него такое странное название?

— Появилось оно совершенно случайно. Я пришел к моему другу Толе Васильеву, руководителю театра "Школа драматического искусства", а он меня спрашивает: "Ты чем хочешь заниматься?". Я говорю: "Современной пьесой", — а он в ответ: "Ну пусть будет "Школа современной пьесы". Пошутили, а название осталось.

- Оно ограничивает выбор репертуара?

— Наоборот, бесконечно расширяет. Я люблю пьесу, которая только что написана и еще не обросла постановочными штампами. Во времена работы на Мытной, в так называемой Арбузовской студии, я познакомился с Люсей Петрушевской, Лешей Казанцевым, Витей Славкиным, Семеном Злотниковым, Сашей Ремезом. Их называли "новой волной". Сейчас, конечно, все мы постарели, но любовь осталась, и я горжусь тем, что из шестидесяти спектаклей, которые я поставил, почти все были основаны на современной драматургии.

- Как формировался коллектив?

— Поработав во многих театрах страны, я позанимствовал у них все лучшее, а худшее стараюсь не допускать. Не скрою, первые годы у нас была жуткая текучка, потом все стабилизировалось. Считаю безумием держать огромный штат. Я приглашаю людей по принципу, чтобы им хорошо работалось друг с другом. Конечно, все мы люди живые, у нас могут быть слабости, срывы, нервы, но если это начинается приобретает регулярный характер, приходится расставаться. Склок у нас нет. Если они появятся, я уйду. Мне нечего терять. Я умею ставить, снимать, преподавать, у меня приглашений на несколько лет вперед, в конце концов машину пойду водить или дома строить, это я тоже умею.

- Иосиф Леонидович, вы один из немногих главных, которые терпимо относятся к другим режиссерам в своем театре.

— Считаю большой ошибкой и даже глупостью моих коллег ревность к другим работам. Чем лучше спектакль, тем сильнее интерес к театру в целом, где твоё имя в качестве руководителя написано на каждой афише большими буквами. Я не только разрешаю работать другим, но и все время зову П. Фоменко, М. Хуциева, Б. Морозова, Л. Хейфеца.

- Все имена известные, а как с молодыми? Вот приходит к вам вчерашний студент и...

— Я спрашиваю его о дипломной работе. Если это в другом городе, поеду посмотрю, позвоню, спрошу. Иногда мне говорят: "О, это гений!". Ну что ж, гениев я стараюсь зазывать в свой театр.

- Молодой гений испытывает давление с вашей стороны?

— Ни в коем случае. Я могу помочь, если он об этом просит, могу прийти на репетицию, посоветовать, чтобы он обратил внимание на те или иные сцены. Но так, чтобы отстранить его от репетиций, дескать, сейчас я покажу тебе, как надо ставить, — никогда. В случае провала спектакль закрывается. Я не делаю из этого трагедии. Это нормальный творческий процесс. Неудачи могут быть у каждого.

- И у вас?

— Да. По поводу многих своих работ могу сказать, что они не ахти. Я к себе трезво отношусь. Понимаю, что, к сожалению, не гений, и даже не очень талантлив, но профессионален, умею придумать, наладить, организовать. В московском режиссерском рейтинге нахожусь где-то между третьей и четвертой десяткой. Делая очередную работу, могу сдвинуться вверх или вниз. Но когда выезжаю на Запад, мой рейтинг сильно повышается, потому что уровень режиссуры там иной. Войдя в какой-нибудь национальный театр, чувствую себя почти Станиславским, но дома есть свои Станиславские. Всегда лучше себя недооценить, чем надуваться и глупо выглядеть.

- При таком самосуде театральная критика вам не страшна?

— Я к ней отношусь очень болезненно. Она способна надолго выбить из колеи, особенно если звучит в оскорбительном тоне, тут я, не раздумывая, ввязываюсь в драку с кулаками. Если же мне профессионально, аргументированно объяснят, что я ошибся, недостаточно талантливо поставил, не дотянул, мне это горько и печально слышать, но я признаю свои просчеты. Конечно, я могу собрать вокруг себя родных или студентов, которые меня любят или боятся, и они мне скажут, что я красивый, но есть ведь зеркало. Что ж я буду сам себя обманывать?

- Кстати, о студентах, вам с ними легко?

— Я преподавал в ГИТИСе много лет. Сейчас у меня мастерская во ВГИКе. Для меня это всегда было сложным делом, пожалуй, сложнее работы с мастерами. Я не согласен с распространённым мнением, что только талантливые могут стать артистами. Есть еще техника, технология. Этой азбуке я и должен научить молодых. Если же добавляется талант, что ж, замечательно. Сейчас в моих спектаклях наряду с мастерами играют и студенты.

- Ваши дети готовы пойти по стопам отца?

— Старшая дочь неплохо рисует, она в десятом классе, а младшая поет в хоре Большого театра. Недавно ехали с ней на машине, я говорю: "Вот мой театр", — а выехали на Театральную площадь, она говорит: "А вот мой!". Так что моя дочь работает в Большом театре, хотя только что закончила первый класс.

Беседу вела Татьяна ПЕТРЕНКО